

МАЯКОВСКИЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

К 125-летию со дня рождения поэта Революции

Вот чего меньше всего здесь хотелось бы — так это ещё одной традиционной юбилейной статьи-«окрошки» из разной степени достоверности "фактов" и "фактиков", заполняющей неизбежный прочерк "жизненной молнии" между датами рождения и смерти. Почему? Да просто Маяковский — как бы это объяснить понятнее? — не тот повод, что ли...

ЕЩЁ СО ВРЕМЕН ГОМЕРА считается нормальным, хотя и не обязательным, присутствие в той или иной национальной культуре общепризнанного "главного" поэта (или писателя), наиболее полно выражающего "дух" своего народа через слово. Скажем, у итальянцев это — Данте, у англичан — Шекспир, у испанцев — Сервантес, у немцев — Гёте, у русских — Пушкин. Причём это касается не только "великих" наций. Например, для Украины "национальный поэт" — это Шевченко, для Румынии — Эмнеску, для Шотландии — Бёрнс и т.д. Зато, например, во Франции или в США, как и в Древнем Риме или в арабском мире, такого "первописателя" нет, но это не вызывает никаких сомнений в культурно-исторической самобытности и самостоятельности этих человеческих сообществ.

Если же расширить данный "угол зрения" и задать вопросом о том, есть ли "свой" поэт у человеческих сообществ, выходящих за те или иные национально-языковые рамки, то "кандидатом номер один" на этот неофициальный титул, несомненно, окажется Маяковский, "певец мирового пролетариата" и, соответственно, всемирной пролетарской революции. И не его вина, что эта революция — даже в виде "советского проекта" — так и не была доведена до конца, что "мировой пролетариат" не только не стал полноправным властителем мира, но и, похоже, вот-вот будет раздавлен "нейтростетским" роботами с искусственным интеллектом и "полиндустриальными рабами" в виде глобального "прекариата". Более того, если подобное случится, творчество Маяковского заиграет абсолютно новыми и куда более глубокими красками — как последняя песня человечества в его "традиционном" виде и смысле (из-за нехватки места аутентичная "лесенка" будет соблюдаться при цитировании не всегда. — В.В.).

Погибнет всё.
Сойдѣт на нѣт.
И тот,
кто жизнью движет,
последнѣй луч
над тѣмой планет
из солнцъ послѣднихъ выжжет.
И только боль моя
острѣй —
стою, огнѣмъ обвит,
на несгорающемъ кострѣ
немыслимой любви...

Весь Маяковский — об этом. О Человеке любящем, о Человеке-Творце. И в таком своём качестве — высшей ценности Вселенной. Независимо от любой национальной и прочей принадлежности. Такое "человекобожие", разумеется, плохо совместимо, вернее — несовместимо с любой из традиционных религий. Но присутствия Бога как всемогущего субъектного начала — "того, кто жизнью движет" — ничуть не отрицает. Примеров тому из стихов Маяковского можно привести множество и, при всей их внешней "метафоричности", на самом деле это — глубинное, прорыв его внутренней веры наружу.

Послушайте!
Вѣдь, если звѣзды зажигаютъ —
значитъ — это кому-нибудь нужно?
Значитъ — кто-то хочетъ,
чтобы они были?
Значитъ — кто-то называетъ эти планетки
жемчужинкой?
И, надрынаясь
в метеляхъ полуденной пыли,
врывается к богу,

Газетный вариант. Полностью — на сайте [zavtra.ru](#)

боится, что опоздал,
плачет,
целуетъ ему жилистую руку,
проситъ —
чтобъ обязательно была звезда! —
клянѣтся —
не перенесѣтъ эту беззвѣздную муку!..

Какая она, рука у Бога? Маяковский говорит: "жилистая"! То есть не белоручка Он — Господь наш, впахивает по-настоящему, как пролетарий... А взять хотя бы ещё одно, известнейшее, из стихотворения "Товарищу Нетте, пароходу и человеку":

Чтобы в мире без Россій, без Латвій,
жить единымъ
человѣчимъ обществѣмъ...

Помните, какие строки предшествуют этому хрестоматийному месту? Да вот такие:

Мы живѣмъ,
зажатые железной клятвою.
За неѣ — на крестъ,
и пулю чешите...

Откуда здесь у революционнейшего поэта "крест"-то взялся? Не из христианской ли традиции, с мучениками-исповедниками? И не находится ли всё это четверостишие в полном соответствии с новозаветным принципом "несть ни еллина, ни иудея"? Только "несть" — не во Христе, а в Революции.

Кто-то скажет — и не наверное, а точно скажет: "Вот он, еретик!" А протопол Аввакум тогда, извините, кем был? А Лев Толстой? А те иерархи Священного Синода, которые своим определением от 6 марта 1917 года назначили к исполнению во всех храмах отслужить молебны с возгласием многотелной "Богочраимой державе Российской и благодарному Временному правительству ея"? А... Да ладно, что там с конкретными случаями, с конкретными именами-фамилиями... Вообще, в эпоху нынешнего либерал-экзюменизма, вы это всё — что, серьёзно?

Вдобавок — обязательные в СССР для школьной программы по литературе "Стихи о советском паспорте" (1929):

С какимъ наслаждѣнемъ
жандармской кастой
я былъ бы исхлѣстанъ и распятъ
за то, что в рукахъ у меня
мологотастый,
серпастый
советскій паспортъ...

Кого там исхлестали (бичевали) и затем распяли, не помните? Это ересь Маяковского, конечно, да? И только ересь? "Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих" (Откр. 3:15—16). Маяковский был огненно горяч, таким же огненно горячим было (и остаётся) его творчество, переведённое на множество языков мира. И когда в 2016 году, через 86 с лишним лет после смерти поэта, президент Бразилии Дилма Русеф встречает приговор о своём импичменте, фактически обрекающий её на новое многолетнее тюремное заключение, стихами Маяковского на португальском, — какие тут ещё (и кому?) нужны свидетельства и доказательства?

ЛАДНО, ПУСТЬ БУДУТ — куда же без них? — и факты. Например, такой: в современных социальных сетях самый цитируемый из отечественных писателей — это не Пушкин, не Толстой, не Достоевский, не Чехов, не Горький, не Шолохов и не кто-то ещё. Беспорный "номер один" здесь — Маяковский. Его фразы, его "позитивские формулы" наиболее востребованы во втором десятилетии XXI века, сегодня он, по большому счёту, намного популярнее, чем сто лет назад, в пору своего творческого взлёта.

Причём данный факт касается не только "всемирной паутины", но и её русскоязычного сегмента, "рунета". Казалось бы, вот парадокс. Советскую эпоху решено закрыть, забыть и повесить на ней изображение черепа с костями: мол, не влезай! ГУЛАГ! убьёт! А количество разнообразного информационного мусора, принесённого на могилу "лучшего, талантливейшего поэта" (определение И.В. Сталина) этой эпохи, ныне измеряется терабайтами, если не мегатоннами.

Но, в конечном итоге, — безрезультатно, хотя начался этот процесс "приношения" задолго и до перестройки, и даже — до ухода из жизни самого Маяковского.

Оно и понятно — ведь "Владимир Владимич" демонстративно не признавал полutoнов, какой-то нюансировки цветовых, политических и бытовых переходов. Во всяком случае — в творчестве своём. Не только поэтическом — он ведь был и художник, и киноактёр, и, можно сказать, организатор культурного процесса. Но нигде и никогда не изменял своему образу (что там было внутри — другой, отдельный и весьма сложный вопрос).

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана...

Маяковский и в литературе, и в жизни всегда шёл на конфликт, лез в драку, а потому казался идеальной целью для "отстрела". Но — удивительное дело! — все "охотники" внезапно обнаруживали, что для их "выстрелов", "капканов" и "ядов" этот невероятный "слонопотам" оказывается почему-то неуязвим. Ну, почти...

Все биографы Владимира Владимировича как-то "не всерьёз" принимают тот общеизвестный и никем не скрываемый факт, что знаменитую "жёлтую кофту" начинающий эпатажный 18-летний поэт надел уже после своего почти трёхлетнего участия в революционной борьбе и тюремной отсижки. Причём участия далеко не формального — в его случае речь шла об агитационной работе "на земле", организации подпольной типографии и ряда "засов" в Москве (это были 1907—1908 годы, самый пик "сталинских реформ" и "сталинской реакции" заодно), а также о причастности к побегу 13 заключённых из Новинской женской каторжной тюрьмы 1 июля 1909 года. И отсижки тоже далеко не радовой — в конце концов, 16-летнего узника одиночной камеры № 103 в Бутырской тюрьме заключённые, согласно легенде, избрали своим старостой — как ранее это произошло в Басманном и в Мясницком полицейских домах...

Имевший социальное происхождение "из дворян", Маяковский мало говорил об этом периоде своей жизни — и обычно с юмором, как о чём-то не слишком серьёзном. Но больше полутора лет, в 1908—1910 годах, он был полноправным членом РСДРП, причём её большевистской фракции, — и ушёл из революционной политики в революционное искусство. По "зову сердца", разумеется. Разгребать "авгиевы конюшни" тогдашнего декадентского культурного "мейнстрима", впоследствии названного "серебряным веком" не только отечественной поэзии, но и всего искусства в целом. Что по этому поводу говорится в доселе закрытых партийных архивах — пока не известно. Может быть, и ничего — слишком важное дело, чтобы доверять его предательской бумаге.

Я, ассенизатор и водовоз,
революций
мобилизованный и призванный...

Мой стихъ трудомъ громаду летъ прорѣетъ
и явится весело, грубо, зримо,
как в наши дни
вошёлъ водопоповъ,
сработанный ещё рабами Рима...

Это вот понимание собственного творчества одновременно и как избавления от "заразных нечистот" и как "водвы", необходимой людям для нормальной жизни, — у Маяковского постоянно и неизменно. Впрочем, не только "водвы".

Я хочу, чтоб к штыку приваляли перо.
С чугуномъ чтоб и с выделкой стали
о работѣ стиховъ, от Политбюро,
чтобы делал доклады Сталинъ.
"Так, мол, и так..."

И до самых верхов
прошли из рабочихъ нор мы:
в Союзе Республик
пониманье стиховъ
выше довоенной нормы...

Это, кстати, из стихотворения "Домой!", написанного в 1925 году, после знакомства Маяковского с ограниченными порядками. И там же — весьма показательное для поэта признание:

Пролетаріи
приходятъ к коммунизму
низом —
низом шахтъ, серповъ и вилъ, —
я ж с небесъ поэзіи
бросаюсь в коммунизмъ,
потому что нѣтъ мнѣ без него любви...

О смысле и значении любви для Маяковского, думаю, сказано выше уже достаточно, чтобы лишний раз не повторяться... А вот на смысле и значении для него процесса литературного и в целом художественного творчества можно остановиться и чуть подробнее.

"Я — ПОЭТ. Этим и интересен", — таким было кредо Владимира Маяковского. Учёных, философов, политиков, экономистов, подпольщиков, военных, пропагандистов у революционной партии хватало — целое "теневое государство". А вот писатели, особенно — поэты, были буквально наперечёт. Уж очень специфическое и опасное это занятие — выстраивать каналы связи общества с "информационным космосом" языка. Чуть не так — "прилететь" может с обеих сторон. Наверное, хорошо бы иметь для этих целей новый язык: революционный или пролетарский, но такого как не было, так и нет. К сожалению. Или к счастью.

И, если говорить о каком-то соотношении "национального" и "пролетарско-интернационального" в поэзии Владимира Маяковского, то Россия и русский язык (ни на каком ином Маяковский не писал) ему были важны, прежде всего, потому, что с них, в его понимании, начинались "новое небо и новая земля" для нового человечества, извбавленного от пут и норм тысячелетней несвободы. "Пражская весна", говорите? "Арабская весна", говорите? Жалкие плагиаторы...

И я, как весну человечества,
рождённую в трудахъ и в бою,
пою мою отечество,
республику мою!

"Весна человечества" — вот что важно для Маяковского, не больше и не меньше! Или ещё более известное, из того же стихотворения "Нашему юношеству" (1927):

Да будь я
и негромъ преклонныхъ годовъ,
и то, безъ унынья и лени,
я русскій бы выучилъ только за то,
что имъ разговаривалъ Ленин!

"Только за то" — непростая, очень многомерная формулировка. "Только" здесь — непрерывно, "перманентно" "квантуется" между смыслами "исключительность за то" и "хотя бы за то". Кстати, в том же стихотворении заключена целая культурно-политическая программа, с призывом "На русский (язык) встротите уши!" — только потому, что русский язык стал первым и главным языком Революции:

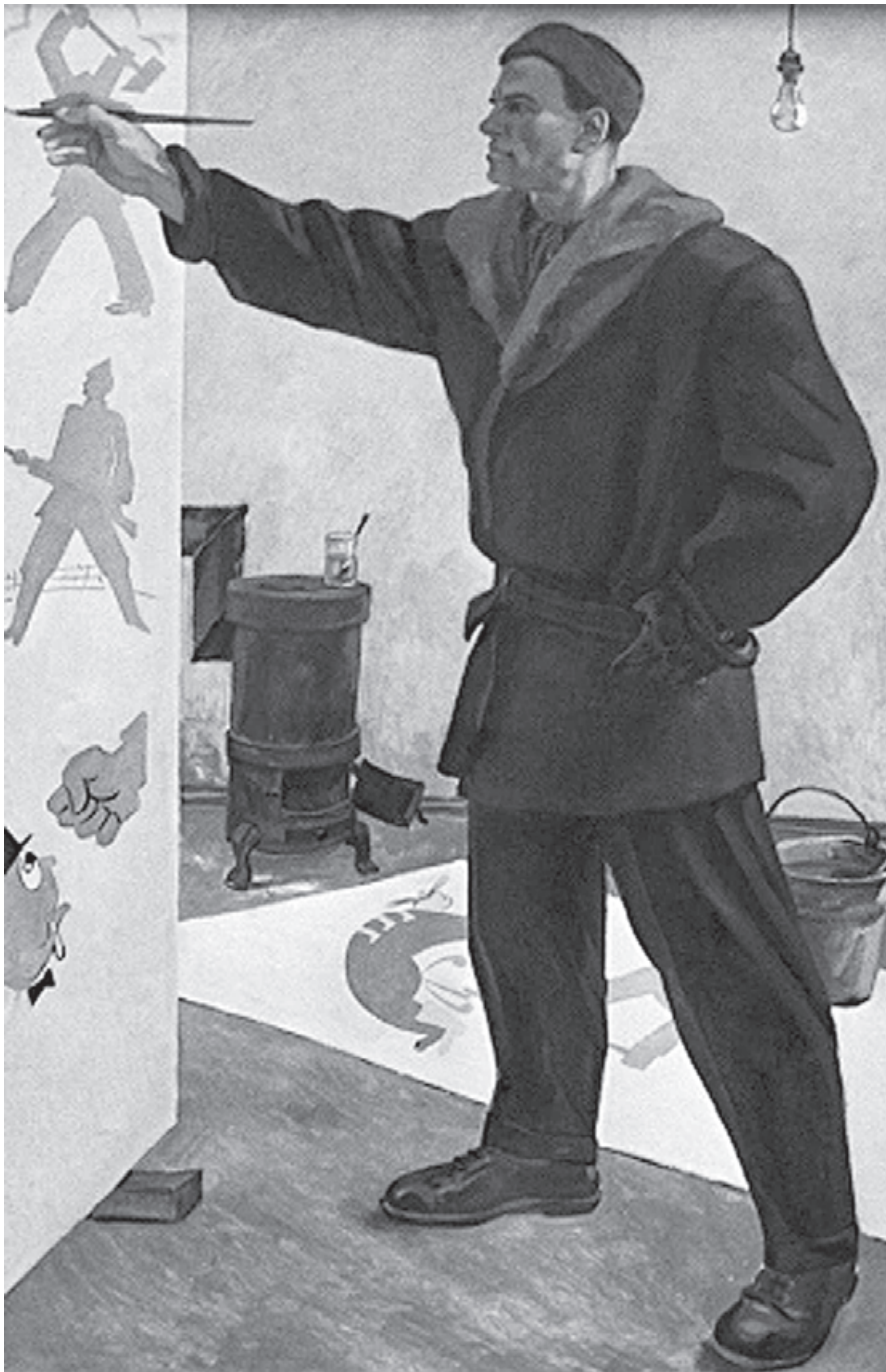
Когда Октябрь орудейныхъ буръ
по улицамъ кровью лился,
я знаю, в Москве решали судьбу
и Кіевеъ и Тифлисеъ.
Москва для нас не державный арканъ,
ведущій земли за нами,
Москва не какъ русскому мнѣ дорога,
а какъ огненное знамя!

Наркобарон, жестокий убийца, защитник обездоленных и личный враг Рейгана в фильме Леона де АРАНОА

зимой лёгкостью. На экране — знакомые лица: Рональд Рейган и его супруга Нэнси. Обращение к народу Соединённых Штатов. Эскобар — личный враг президента, ибо сумел подсадить на дешёвый кокаин пол-Америки. Советская пресса тогда отменяла, что американские подростки из бедноты-миллионеров милл-класса настолько не видят будущего, что буквально целыми компаниями становятся кокаиновыми наркоманами. Писалось и про то, как умело высчитывают потенциальную жертву на дискотеках и в ночных клубах. Мы-то в те годы жили за уютным — пусть и легальным! — занавесом, а самым большим кошмаром и уроном казался пьющий сантехник Афоня Борщов. Наркотики? Что-то из параллельных реальностей. А в Америке 1980-х это сделало национальной трагедией — неслучайно герой Арнольда Шварценеггера в "Красной жаре" понимающе произносит: "Кокаиному". Да! Своего упитанного сына дон Эскобар учил исключительно хорошим манерам и — трезвому образу жизни. Трогательная сцена. "Если тебе когда-нибудь предложат — скажи "нет!" — увещевает примерный отец, показывая разные виды наркотики — дешёвой и чуть дороже. Этой дрянью он кормит именно таких вот мальчиков. Но это — чужие мальчики. Семья — это свято. Жену, Викторю, он боготворит и уважает. Обнимает-жалеет. Плачет-беспокоится. Кажется, невозможно любить, что не мешает ему изменять направо и налево, да ещё пользоваться услугами проститутки. Широкий был Эскобар! То террор учитит, а то вдруг — благотворительностью займётся. Всю дорогу боролся с несправедливостью, ввергая мир в ещё более страшную несправедливость. Да, он не тварь дрожащая, но право имеет! Он так думал.

Поскольку автор сценария и режиссёр — испанец Арноа, то в фильме витает дух неприязни к англосаксонской цивилизации. "Кто они нам? Презренные гринго!" звучит по всякому поводу. Давняя-давняя вражда, начатая ещё в XVI столетии, — за гегемонию и колониальные земли. Духовно-этическое противостояние этих двух систем как бы продолжается "в формате" Северной и Южной Америк. Эскобар, убивая кокаином американских boys, как бы мстит "рыжим" за многовековую униженность. (Примечательно — артист Хавьер Бардем сыграл в седьмой части "Пиратов Карибского моря" капитана Салазара, тоже испанца и тоже — с наслаждением уничтожающего англоязычных пиратов). Эскобар — как продолжение?

Рядом с ним — золото и смерть. В кинокартине это прекрасно явлено. Красотка Вирхиния (её Эскобар задаривал пачками долларов и фан-

Владимир МАЯКОВСКИЙ в РОСТА. Художник Александр ДЕЙНЕКА (1941)

Художник Александр ДЕЙНЕКА (1941)

Пастернака: "Маяковского стали вводить принудительно, как картофель при Екаторине. Это было его второй смертью. В ней он не повинен". Яркое, образное, убедительно, как и положено настоящему большому поэту. Правда, совершенно непонятно, чем в данном случае "плоха" бедная "картошка"-Маяковский! Тем, что принципиально несъедобна или невкусна? Или тем, что её "вводили принудительно"? Или тем, что она оказалась на месте, которое по праву должен был занимать какой-то иной, более достойный, овощ — например, та же репа или, уж простите, пастернак? Как говорится, упаси нас, Боже, от таких друзей — с ними никаких врагов уже не надо...

Как же хорошо был любителем простых и однозначных ответов на все вопросы... А ещё лучше, наверное, — профессиональным создателем таких ответов. Сарнову и его единомышленникам почему-то даже в голову не приходит, что убившая поэта пуля могла быть выпущена не государством и обществом, а тем "информационным космосом", с которым он работал... И причины тому могут быть самыми разными. Как и следствия. Поэтому "дело Маяковского" не только не закрыто — оно даже не закончено.

Один из лучших друзей Маяковского, поэт Николай Асеев — тот самый, которому Марина Цветаева перед самым рождением доверила судьбу своего сына Георгия, поскольку сомнений в его личной порядочности не было ни у кого, — написал в 1936-1939 гг. (и дописал в 1950 году) поэму, которую назвал "Маяковский начинается". При всей, исторически понятной, "однобокости" этой поэмы, название у неё абсолютно верное. И сегодня — Маяковский продолжается!

Владимир ВИННИКОВ

"Тварь ли я дрожащая или право имею?"
"Убивать-то право имеете?"
Из Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

"ВО ВСЁМ его облик, в приятном тембре голоса, в манере говорить, спокойно, взвешенно, тщательно подбирая слова, сквозила уверенность человека, осознающего свою силу и власть, убеждённого в том, что его желания — закон, подлежащий немедленному исполнению, и что он хозяин положения во всём, что касается его жизни и жизни преданных ему людей", — так оценивала Пабло Эскобара его любовница и биограф Вирхиния Вальехо Гарсия — дама приятная во всех отношениях. Эта звезда колумбийских массмедиа, телевизионная богиня и светская львица написала увлекательнейшие мемуары, которые названы двусмысленно — "Любить Пабло. Ненавидеть Эскобара". Можно ли пройти мимо персонажа, "сочетающего в себе качества мецената и бандита"? Его и теперь именуют "колумбийским Робин Гудом", тщательно взвешивая благие поступки и беспримерные злодеяния.

Эскобар вошёл в историю как самый богатый наркобарон, жестокий убийца и террорист. У всякой медали есть и вторая сторона: всё тот же Эскобар — защитник обездоленных, покровитель колумбийского футбола (так, на его средства построено множество спортивных объектов) и — чуткий папачка, уважавший семейную традицию. По сию пору существуют "кварталы Пабло Эскобара" — бесплатное жильё для нищих, где им дозволяется просто жить, не платя

ПОЛЮБИТЬ ЭСКОБАРА

налогов и сборов. Щедрый Пабло одной рукой убивал, другой — дарил миллионы песо. Кроме того, Эскобар был не чужд марксизма и с юности увлекался этой славной доктриной. Ещё — сентиментальный злодей любил стихи своего тёзки Пабло Неруды, коммуниста и большого друга СССР. Мало того! Один из величайших преступников XX столетия слыл ревностным католиком и поминал Деву Марию так часто, что, казалось, мог бы стать добрым сельским падре.

Но! Пабло Эскобар принадлежал к той маленькой привилегированной группе людей, которые с детства точно знают, кем хотят стать, когда вырастут. Паблито никогда не мечтал стать пилотом, пожарным, доктором или полицейским. Он мечтал только об одном — стать богатым! — это опять строки из биографических заметок Вирхинии Вальехо. Она-то уж изучила его характер, вкусы, привычки. Нет в природе такой мерзости, которую не романтизировало бы человечество. "Всё мгновенно, всё пройдёт! / Что пройдёт, то будет мило!", — отметил в своё время Александр Сергеевич Пушкин. Отсюда феномен "благородных пиратов" и "честных лесных разбойников" — ими наполнена вся детско-приключенческая литература. Как говорится, Деточкин "хоть и вор, но бес-

корыстный и честный человек". Свободу Юрию Деточкину? Любить Эскобара? Возможно ли?

Байопик испанского режиссёра Фернандо Леона де Араноа "Эскобар" (в мировом прокате — Loving Pablo) основан на тех самых мемуарах госпожи Вальехо. Её блистательно играет Пенелопа Крус и кинокартину стоит посмотреть хотя бы ради этой феерии — актриса значительно похорошела с годами (а ей 44!), став похожей то ли на зрелую Софи Лорен, то ли ещё на кого-то из обоемы итальянского неореализма. Изображая знаменитую телеведущую и скандально известную любовницу наркоманата, Крус носит в кадре умопомрачительные платья и украшения. Художники по костюмам Лолес Гарсия Галеан и Ванда Моралес решили не мелочиться и вывалили всё, что знали о моде и красоте "золотых восьмидесятых". Тут и резкие, наглые цвета, и яркость макияжа, и нарочитое обилие дикого "люкса". В те годы было не принято мелочиться — богатство и респектабельность выставлялись напоказ. Словосочетание "элегантная, сдержанная роскошь" выделось оксюморонном, ибо роскошь-1980 была по глазам и по нервам. Вот Пенелопа Крус в чём-то фуксиевом, с широким вырезом, в ушах крупные клипсы — отблеск самоварного золота. В следующем кадре — созвучие жёлтого с чёрным; оно, по мнению Булгакова, тревожное, однако тут, в разгар яппи-десятилетия — самое ходовое, дискотечно-карнавальное. Фосфоресцирующие наряды, обтягивающие юбки, широкоплечие приталенные жакеты, в которых больше эротизма, чем офисной строгости. Вирхиния Вальехо и по жизни плыла франтихой, дивой. Создатели фильма с невероятным тщанием воссоздали саму атмосферу времени, когда люди "гибли за металлы" и создавали неприлично крупные состояния на всевозможных махинациях. В лучах жаркого солнца — главгерой в исполнении Хавьера Бардема. Подтянутый и спортивный, Бардем заметно растолстел для важной роли — дон Эскобар никогда не отказывал себе в гастрономических удовольствиях. Авторы использовали все документальные съёмки, каковые только доступны, а потому футболки, пиджаки и галстуки подобраны тон в тон.

Композиция такова, что зритель не успевает понять: кто таков Эскобар — воплощённый ад или же великой души кому сапиенс? Какая глыба! Какой матерый человеечище! Вот он про-ринковенно вешает о проблемах колумбийской нищеты, но тут же — отдаёт чёткие приказания подельникам. Убивает как дышит. Для него нормально — сеять смерть. А через полчася — планировать построение Счастья. С той же невыра-

Кадр из фильма «Эскобар»

тастическими драгоценностями) получила хрестоматийное "разбитое корыто". Дивно сыграно, как любовник — за ужином в ресторане — протыгивает женщине коробочку, в которой должны быть очередные фермуары и диадемы. Но нет! Всего лишь холодная сталь оружия — пистолет на случай, если Вирхинию придут брать. Эскобар со свойственным ему юмором повествует, что её ждёт, коли она не застрелится. Донна Вальехо отделилась лёгким испугом — порушенной карьерой и всеобщим "фи!". Могла ли она хоть на каком-нибудь этапе отказаться от любовной игры с этим чудовищем? Разумеется, нет. И даже не потому, что он — могущественный убийца. В фильме показано, как Вирхиния буквально ввергается в пучину страсти.

Вспомедствии она, будто бы в оправдание, скажет: "И некому было меня предупредить о непомерных амбициях человека, который создал своё королевство из звёздной пыли и той субстанции, из которой творят мифы, навсегда меняющие истории наций и людские судьбы". Выяснение отношений. Возлюбленная требует, чтобы Эскобар оставил жену и всецело принадлежал ей, Вирхинии. Да разве честный католик оставит законную супругу и мать детей!? "Она была рядом, когда у меня не было ни песо!" Дале вопрос: а была бы ты со мной — с ничем и безвестным? Пенелопа Крус умело и осмысленно рисует смятение женщины, чьи лучшие друзья — "это бриллианты". Как в той песенке. Безусловно, нет! Королева эфירה с тобой, пока ты — могуществен, а без дьявольского и преступного блеска ты — некрасивый, мешковатый бронет, каких полно в любой точке латиноамериканского континента. Пабло, Педро... И не считайтесь! Да, в этом признаваться-то стыдно, поэтому в своей книге Вальехо напишет: "Меня, в отличие от многих других, мало интересуют деньги Пабло, но очень скоро я узнаю истинные размеры состояния человека, которого я люблю, как никого не любила, которого понимаю, как никто другой". Хотя тут есть милая доля правды. Власть всегда меняет человека, делая его притягательным. Даже, если вы не видите его богатого счёта или королевского титула. У богатей и принцев — особый взгляд, иная бытовая пластика. Людей и — конкретно женщин — к ним автоматически тянет. Энергетика их "поля". Возникает "эффект" Бонапарта: он даже на острове был страшен и, по сути, непобедим. Пабло Эскобар — из той же наполеоновской породы. Его гибель — вздох облегчения. Впрочем, не только для Америки — и для самого Эскобара. Устал. Выдохся. Кончился. И? О нём до сих пор ходят легенды, слухи, сплетни. Между прочим, его сын, Хуан Пабло, образованный и вальжанский архитектор, живёт в Буэнос-Айресе. Иногда рассказывает журналистам о своём трепетном папе. Стыдится ли он своей родословной? Не думаю. В конце-то концов, сын за отца не отвечает.

Галина ИВАНКИНА